

Е.А. Самарская

Идеократия как модель государственности у О.Конта

Крушение монархических режимов в европейских странах, полностью не закончившееся и по сию пору, вызвало к жизни политические системы двоякого рода – демократию как форму правления всего народа и диктатуру, которая скрывала свою суть под маской прямой демократии, диктатуру беднейших слоев населения (к ней взывали Гракх Бабеф, О.Бланки) или диктатуру пролетариата (марксизм). Кроме этих реализовавшихся в Европе на протяжении XIX–XX вв. **моделей государственности** существовали проекты, которые либо пока не имели условий для реализации (анархистские теории безгосударственного общества, марксистская идея о постепенном отмирании государства), либо реализуются постепенно в политических системах разного типа. В последнем случае речь идет о построении государственности на научной основе. Такие проекты не имеют однозначной левой или правой направленности, а обнаруживают способность к проникновению как в правые, так и в левые модели государственности, существенно преобразуя их содержание и смысл. Научная модель государственности отличается тем, что она ориентируется не на волю народа или пролетариата, а на указания науки. Такой тип государственности обретает сейчас все большую значимость в разных странах мира. В этой связи политическое мышление смещается с уровня воли и интересов граждан на научный анализ вопросов управления обществом, ведя к упрочению в теории и на практике принципов идеократии¹.

Первым в истории мыслителем, заявившим о необходимости построения общества и государства на научной основе, был А. де Сен-Симон. Научность в его толковании обнаруживает себя следующим образом: 1) утверждается приоритет естественнонаучного и прикладного знания, а также – в общественной жизни – сельского хозяйства и промышленного производства, 2) утверждается право промышленников и ученых на руководство обществом и исполнение правительственных функций, 3) провозглашается закон «всемирного тяготения» (позже он уступил место в текстах Сен-Симона принципу христианского братства) как основа функционирования общества. Этому сопутствовало у Сен-Симона различение органических и критических эпох в человеческой истории, констатация становления в тот период нового органического (промышленного) общества, в котором все должно происходить в централизованном порядке и планомерно. У Сен-Симона уже заняла видное место историческая триада: «феодално-богословское» общество, «критическое» или «метафизическое» общество, где царит моральный и экономический индивидуализм, «промышленное» общество, в котором должны быть воспроизведены на новый лад принципы единства и порядка, отличавшие феодално-богословское общество. Все указанные черты сенсимонистской научной модели управления были воспроизведены О.Контом. Хотя интерпретаторы обычно подчеркивают, что последний не был сенсимонистом, но, например, Ж.Гурвич признает, говоря об упомянутой исторической триаде, что «здесь Конт воспроизводит и точно повторяет концепции Сен-Симона о связи между развитием индустриального класса – третье сословие – и позитивными науками и вытекающем из этого ограничении сначала теолого-военного режима, затем метафизико-легистского»². Да Конт и сам в «Системе позитивной политики» называл себя учеником Сен-Симона.

Если подробнее говорить о том, кого Конт считал своими предшественниками и на какие идейные традиции он опирался, то следует назвать философов, которые пытались применить научный подход к анализу человеческой истории. Элементы такого подхода он усматривал у Ф.Бэкона, Б.Спинозы, Т.Гоббса – последнего он особенно ценил за попытку построить учение о нравственности, праве, политике на принципах механической причинности. В числе своих предшественников он называл также Ш.Монтескье с его

идеями о влиянии климата на историю человеческих обществ или Ш.Кондорсе, который посвятил свою работу «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» поиску естественных законов развития цивилизации. Но хотя Конт ценил у философов Нового времени любые попытки применения точных и естественных наук к толкованию общества, сам он на деле был убежден, что история подчиняется особым законам, не сводимым к естественнонаучным. Недаром он был одним из основателей социологии и считал ее высшей в ряду наук, самой сложной и конкретной из них. Конт настаивал на том, что науки можно расположить по принципу возрастающей сложности: сначала математика, механика, физика, потом органические науки и, наконец, социология. Этому порядку наук соответствует, по Конт, история их появления и развития: первыми появляются простейшие, затем более сложные. Социология не просто завершающее звено в их истории, она раскрывает их тайну, а именно, то обстоятельство, что все они являются науками о человечестве и принадлежат ему как единому субъекту познания. Все науки, писал Конт, представляют собой «различные составные элементы единой науки, науки о человечестве»³.

Будучи сторонником научного подхода к обществу, Конт постоянно выступал против иных методов его изучения. У него были два противника: во-первых, теология, которая рассматривала человека и человечество в контексте их соотношений с Богом, и, во-вторых, метафизика. К ней он относил те философские системы, которые исторически пришли на смену теологии. Метафизика – это философия, выступившая против идеологического диктата теологии, но сохраняющая страсть к поиску абсолютных начал и абстрактных сущностей. Такой абстрактный подход к человеку хотели исправить социологи XIX в., выдвинув вперед историю и социальные как факторы, определяющие сущность индивида, они хотели рассматривать его сквозь призму социальности. К метафизике Конт относил и философию Просвещения, нападая особенно на присущий ей атеизм. Он считал, что хотя последний и направлен против средневековой теологии, но родственен ей в том, что стремится решать «неразрешимые вопросы», ищет «первые» или «конечные» причины образования вселенной, происхождения жизни, формирования человека и т. д. Атеизм переоценивает разум и не имеет представления о моральных и социальных потребностях, о

духовной стороне общественной жизни. Он ведет к рождению утопий о «мнимом царстве разума». Указанные особенности атеизма Конт связывал с тем, что тот лишь негативно оценивает прошлое, а в отсутствие позитивной оценки прошлого невозможно открыть будущее человечества.

Так раскрывается важная особенность философско-исторического метода Конта, который прежде всего и олицетворяет собой «позитивизм». Общий смысл последнего состоит в провозглашении позитивного отношения к прошлому с опорой на критическое в отношении него настоящее. Точнее говоря, речь идет о позитивном отношении к «феодально-богословскому» или «теологическому» периоду истории при учете критики в его адрес с позиций метафизики. Таким образом, теология и метафизика – не просто идейные противники Конта, они отражают на духовном уровне определенные этапы истории, уходящей в прошлое теологической эпохи и сменившей ее метафизической (критической) эпохи. Свою идею позитивизма Конт соотносил с будущим, с промышленным обществом, считая, что оно должно воспроизвести на новом этапе некоторые структурные и качественные особенности власти в средневековом обществе. Нельзя, писал Конт в «Системе позитивной политики», только осуждать феодально-богословское общество и видеть в нем единственно препятствие для развития цивилизации, на деле его создание было «одним из наибольших предварительных успехов общества»⁴. Складывающийся позитивный строй, по Конту, будет иметь больше сходства со средневековьем, чем с обществом метафизической эпохой. Последнее основано на «критицизме» (протесте против власти церкви и королей, осененных божественной благодатью), на разгуле индивидуализма и эгоизма, на анархии и ожесточенной борьбе за власть, в которую втянуто все население. Новое же общество мыслится им как «органическое», то есть основанное на едином всеобъемлющем принципе, в результате чего оно оказывается стянуто в одно целое.

Подобное отношение к прошлому со стороны Конта заставляет подчас его интерпретаторов говорить о нем как идеологе контрреволюции. Например, Ж.Гурвич сильно подчеркивал консервативные моменты в системе идей Конта, говорил о влиянии, которое оказали на него Ж. де Мэстр, де Бональд, о поддержке им всех форм диктаторской власти: папского престола, диктатуры

Конвента, самодержавия Наполеона III, о пропаганде диктатуры пролетариата, которую Конт вел в 1848 г., о письме Конта Николаю I, где он высказал свое кредо – быть всегда на стороне власти и против анархии. Конечно, Гурвич не говорил прямо, что Конт был контрреволюционером, он выражался более осторожно, писал, что у Конта контрреволюция превалирует над революцией. Однако в этом приходится усомниться: Конт выражал поддержку равно и правым, и левым диктатурам, к тому же на деле он выступал в защиту того звена власти, которое присутствует в любой ее системе, как правой, так и левой. Это административная власть, непосредственно система управления страной, тут Конт идет вслед за Сен-Симоном, который тоже выдвигал вперед административную власть, принижая значение представительной власти в будущем промышленном обществе. Именно в этом духе Конт критиковал анархию, которую он считал производной от демократических принципов, и выступал против политических догм о безграничной свободе сознания, о суверенитете народа, о равенстве граждан. Все такие догмы, по его мнению, делают невозможной нормальную деятельность правительств, создают основу для оспаривания существующей власти. Конт хотел укрепить государственную власть религией, но не христианской, а религией Человечества как Высшего Существа, он надеялся, что духовная власть создаст фундамент для крепкой светской власти в будущем обществе.

Итак, говоря о принципе «порядка», Конт скорее имел в виду не контрреволюционную, а административную власть. С другой стороны, Конт придавал идее «порядка» и более высокий философский смысл, для него она указывает и на процесс систематизации наук, и на принцип централизации общественной жизни, вообще ее единства, выражаемого триадой веры, разума и действия, которая должна восторжествовать в будущем промышленном обществе. Здесь задействованы теологический принцип веры, метафизический – разума, третий принцип – действие, он выражает разум конкретный, выступающий в единстве с чувством, верой в Человечество. То есть идея «порядка» у Конта означает не столько контрреволюционный лозунг, сколько центральную философскую идею позитивизма, состоящую в единстве веры, разума и действия.

Прежде чем перейти к вопросу о контовской позитивной теории политики и государства, надо подробнее остановиться на особенностях его философского кредо. В первую очередь следует вести речь о его «субъективном методе», согласно которому суждения о мире и обществе должны иметь своей основой опыт, показания наших органов чувств. Люди, писал Конт, должны ограничить свою научную любознательность тем, что им дано в наблюдении и что важно для человечества. На протяжении XX в. философы феноменологической направленности бились над тем, как найти переход от «Я» к «не-Я» и к «Другому». У Конта этих сложностей не было, он простодушно уверен в реальности человечества, а субъективный мир открывается у него сразу и как мир индивида, и как мир человечества. Такая позиция кажется продиктованной сохраняющимися у него традициями материализма, с которыми он неустанно боролся, но только благодаря им можно было принять абстракцию человечества за реальное существо с присущим ему субъективным и объективным миром. Конт ценил у И.Канта идею о разделении всех вещей на те, которые даны в опыте, и на те, которые постигаются в умозрении. Сам он был за то, чтобы замкнуться в сфере субъективного опыта, растянутого до масштабов человечества, и ограничить его рамками познание, действие и чувство. Эта замкнутость и дает искомый им «синтез», ту формулу единства, которое способно преодолеть экономическую, политическую и моральную анархию метафизической эпохи.

Интересно, что, будучи уверен в возможности достижения субъективного синтеза, Конт все же констатирует, что указанное единство не имеет абсолютного характера. Но относил он это не на счет бесконечных субъективных и объективных процессов, а на счет слабости нашего ума. В «Слове о положительном мышлении» он говорил: «Нужно открыто признать эту прямую невозможность все приводить к единому положительному закону как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира»⁵. Но все же он был уверен, что позитивная философия дает «достаточное философское единство», превосходящее то, которое давали в свое время теология и метафизика.

Нужно еще отметить, что субъективное начало, индивидуальное и коллективное, по Конту, активно, оно олицетворяет деятельность. Единство, которое оно обеспечивает, относится не к внешнему миру, а к человеку и человечеству, к его активности, знанию и чувству. Благодаря этому достигается в человечестве «полная гармония между умозрительной и конкретной жизнью»⁶. Говоря точнее, человечество как субъект знания и действия оказывается носителем гармонии, единства между наукой и промышленностью, наукой и моралью, политикой, то есть «конкретной жизнью». Это единство более высокого уровня, чем то, которое обеспечивали некогда теология и метафизика. Согласно Конту, единство общества в теологическую эпоху в Европе обеспечивала христианская вера, а не разум, тогда аффективное начало превалировало над ним. Что касается метафизической эпохи, то общественная связь в этот период основывалась на абстрактных метафизических принципах и потому не была прочной. Экономическая жизнь управлялась законами меновой стоимости, в политике демократия базировалась на абстракции общей воли, в моральной сфере царила абстракция свободных и независимых индивидов, сформировавшаяся в рамках теории «естественного человека» просветителей. В метафизическую эпоху человек действует, как бы находясь вне исторического, социального контекста, тогда как в предшествовавшую ей эпоху человек нес на себе печать исторической определенности, принадлежности к такому-то типу вероисповедания. Связывавшая людей вера обеспечивала устойчивый, «органический» характер общества. Проект Конта состоял в том, чтобы возродить в новом, промышленном обществе устойчивую эмоциональную связь между людьми, какая существовала в феодально-богословском обществе, основав новую религию Человечества. Позитивизм Конта представляет собой философию единства познания и веры, единства разума, чувства и действия. В результате весь комплекс естественных наук выступает в единстве с нравственностью, естественная философия и социальные науки взаимопроникают друг друга, и устраняется признанное со времен Платона и Аристотеля отличие естественной философии от нравственной. Это предполагает, по словам Конта, подчинение объективной основы человеческого существования «субъективному принципу, который всегда должен быть руководителем в цельном философском построении»⁷. Разви-

вая эту мысль, Конт пишет: «Вселенная должна изучаться не ради нее самой, но ради человека или, скорее, человечества. Всякое другое решение так же мало отличалось бы мудростью, как и нравственностью»⁸. Описанный философский синтез субъективных эмоций, целей, действий и объективного познания лег в основу контовской системы позитивной политики.

Конт резко отделял позитивистскую политику от предшествовавших ей форм теологической и метафизической политики. Последние являют собой царство произвола, в их основе лежат божественное право королей или самодержавие народа. Превосходство своей точки зрения Конт видел в том, что в ней присутствовало указание на рост цивилизации как основу всех исторических изменений. Под цивилизацией он имел в виду состояние развития человеческого разума и промышленности: тот или иной уровень цивилизации определяет общественный порядок, то есть «гражданский строй» общества, а состояние последнего определяет систему политики. Так, «военно-теологическое» общество образовалось вследствие низкого уровня цивилизации, а ушло оно в прошлое под влиянием развития науки и производства. Позитивно настроенные умы, писал Конт, исходят в настоящее время из того, что «политический порядок является и может явиться только выражением гражданского порядка, другими словами, что преобладающие социальные силы неминуемо становятся, в конце концов, руководящими. Отсюда остается сделать только один шаг, чтобы признать подчинение политической системы состоянию цивилизации; ибо если ясно, что положительный порядок есть выражение гражданского строя, то, по меньшей мере, столь же очевидно, что сам гражданский строй является только выражением состояния цивилизации»⁹.

Перенеся в трактовке истории акцент на развитие наук и производства, Конт делает вывод, что существует тождество исторических процессов в разных регионах мира. Поэтому-де нравы доисторической Греции обнаруживают сходство с нравами диких племен Северной Америки первой половины XX в., а феодализм у малайцев имеет черты, общие с порядками средневековой Европы. Неизменный ход развития знания и производства вызывают повсюду одни и те же социальные изменения, что не допускает проникновения случайности в историю. Знания и ремесла разви-

ваются постепенно и последовательно, наука одного поколения подготавливают почву для мировосприятия последующих и этот процесс не имеет конца. Такой странный для нашего времени глобализации взгляд на историю сопровождается у Конта рассуждениями о том, что не «люди», а «вещи» управляют ходом истории, что люди могут только ускорить или замедлить исторические процессы в соответствии со знанием естественных законов истории, но они не в силах ее изменить.

Между тем неверно было бы приписывать Конту объективистский подход к истории. История у него, как и у К.Маркса, имеет определенный смысл, она направлена к реализации идеала, который люди призваны осуществить. Этот идеал заключается в установлении социальной гармонии, в торжестве социального начала в обществе. Конт часто говорит, что последнее развивается путем становления ума и социальности, первое начало рациональное, второе – эмоциональное, связанное со стремлением к идеалу, каковым является вера в Человечество как Высшее Существо. В этой связи он не раз повторяет, что разум – слуга чувства и только разрабатывает путь к тому, к чему оно стремится. Интересно, что у первых социологов (Сен-Симона, Конта, Маркса, позже Дюркгейма) идеал представляется сходным образом, как движение к общественной гармонии.

Их идеал – не абстракция вроде свободных и равных индивидов, рассматриваемых как существа природы, он укоренен в истории, является одновременно идеалом и законом. Об этом свидетельствует свойственное названным мыслителям стремление изображать историю в виде триад: что было, что есть, что будет. У Маркса триада выглядит как движение от первобытнообщинного строя к обществам, основанным на частной собственности, и далее к коммунизму. Третье звено в этой трактовке имеет сходство с первым. У Дюркгейма начальным является коллективистское общество с механической солидарностью, за ним следует общество с разделением труда и возникающим на его основе индивидуализмом, его должно сменить общество с корпоративной солидарностью. Историческая триада Конта выглядит следующим образом: теологическое общество, объединенное верой в богов, – метафизическое, в котором доминирует умозрение и царит индивидуализм, – позитивное общество, построенное на научной основе и

объединенное верой в человечество. У всех троих движение начинается со сплоченного на той или иной основе коллективистского общества; второй ступенью оказывается общество индивидуалистическое, в котором может доминировать экономический закон, как у Маркса, или психологический, как у Конта и Дюркгейма; третья ступень олицетворяет социальный идеал, единство индивидуального и общественного. Последнее есть одновременно идеальное состояние общества, к достижению которого направлена деятельность людей, и венец его закономерной эволюции, результат причинно-следственных связей в масштабе общества. Согласно названным теоретикам, люди творят историю, но делают это в соответствии с ее собственным законом. И Конт, и Маркс, и Дюркгейм хотели преодолеть асоциальный характер индивидуализма, утвердить коллективистские ценности, что привело, однако, на практике к печальным результатам в истории, связанным в конечном счете с именем Маркса, тогда как сходные с марксистскими коллективистские идеалы Конта, например, не оказали явного влияния на историческую практику.

В области политического мы вновь сталкиваемся с философской идеей Конта о субъективном синтезе. Применительно к политике она оборачивается тезисом о необходимости систематизации общественных явлений, что обосновывается потребностью человека в единстве создаваемой им картины окружающей действительности, стремлением людей к связности образа социума и мира в целом. Так из человеческой потребности, можно даже сказать, инстинкта связности рождаются далеко идущие философско-политические выводы. Рассмотренная выше историко-психологическая и интеллектуалистская триада Конта демонстрирует движение общества к систематизации или к «порядку». Каждая из них свидетельствовала о последовательных шагах общества по этому пути. Хронологически первый, по Конту, и самый пока продолжительный из известных нам периодов истории – теологический – оказался (в том, что касается установления общественного порядка) в зависимости от аффективной жизни, общество складывалось и функционировало тогда под властью чувства и воображения. А практическая жизнь того времени, которая, как и всегда, была объективной и реальной, несла в себе иной импульс, в результате этой двойственности общественная жизнь

не могла быть полностью систематизирована. Как пишет Конт, «наши чувства и наши действия сообщали тогда нашим мыслям совершенно несогласные побуждения»¹⁰, что и привело к разрушению обществ, основанных на теологической систематизации. Следующий шаг был связан с выдвиганием на первый план метафизики, наступило царство разума, которое из-за своей абстрактности не могло обеспечить социального единства. Наконец, позитивное мировоззрение, вступая в свои права, обеспечивает окончательную социальную гармонию, синтез, «порядок», который охватывает одновременно области чувства, разума и практической деятельности. Поначалу, на своих ранних этапах, позитивизм дал прочную систематизацию «умозрительной и активной жизни»¹¹, установил синтез естественных и социальных наук, с одной стороны, и практики, с другой. Но он не затрагивал области чувства, а без этого трудно вытеснить из общественной жизни теологию. Лишь с возникновением идеи религии человечества, которая ведет начало от текстов Сен-Симона, позитивизм смог завершить социальный синтез, охватывающий одновременно чувство, умозрение и действие. Это создало условия для того, чтобы в сфере чувства альтруизм одержал победу над эгоизмом, чтобы метафизические абстракции уступили место конкретно-историческому мышлению, а в практическом плане общество труда и производства вытеснило общество, основанное на войнах и насилии. Позитивизм, как формулирует его идею Конт, это аффективный принцип, рациональное основание и активная цель. Все названные начала «сходятся в великом понятии человечества, которое навсегда заменило Бога и установило окончательное единство»¹², покоится на «взаимной любви» всех представителей человечества, на цельном мирозерцании и на деятельности по изменению среды человеческого обитания. Легко возразить родоначальнику позитивизма, что «человечество» пока абстракция и что поэтому связывать с ним конкретно-исторический подход к миру и обществу во всяком случае преждевременно. Но если нет человечества как реального фактора истории, то оно может быть принято как условный символ будущего социального единства.

Тенденцию развития общества по направлению к единству Конт рассматривал на примере «западной революции», начало которой он связывал в науке с открытиями Кеплера и Галилея, в

философии с выступлениями Бэкона и Декарта, в политике же с борьбой против королевской и церковной власти. Нужно отметить, что упомянутая революция означала у него стремление к социальному единству не только в статике, на данный момент истории, что политически выражалось в лозунге «порядка», но и в динамике (лозунг прогресса). Конт стоял на точке зрения тождества порядка и прогресса, так как «прогресс во всех отношениях есть не что иное, как развитие порядка, и является также его единственным и решительным показателем»¹³. Прогресс – это поступательное развитие человечества, совершенствование тех способностей, которые отличают человека от животных – разума и социальности.

Сочетание понятий «порядка» и «прогресса» Конт рассматривал как девиз, сопутствующий западной революции на ее позднем этапе. Конкретно он имел при этом в виду французскую революцию 1789 г. Конт предложил схему эволюции ее девизов. Революция началась, как известно, под лозунгом свободы и равенства. Он казался Конту противоречивым: равенство во многом ущемляет общественную свободу. С этим лозунгом революция разрушала королевскую власть и весь феодальный строй жизни, он олицетворял отрицательную фазу революции, которая завершилась контрреволюцией, что связано с утверждением императорской власти Наполеона, затем с реставрацией власти Бурбонов. В 1830 г. в результате переворота королем стал Луи-Филипп из рода Орлеанов, связанный с кругами крупной финансовой буржуазии. Тогда, считает Конт, утвердился вплоть до 1848 г. лозунг «свобода и порядок». Идеологу позитивизма этот лозунг кажется более приемлемым, он ценит его за то, что в нем исключено «противообщественное понятие равенства»¹⁴, а взамен его введен принцип «порядка», который ассоциируется у Конта с понятием «братства». Завершающим этапом французской революции Конт считал 1848 г., когда была навсегда уничтожена королевская власть. Это означало завершение разрушительного этапа революции, в результате лозунг свободы, как думал Конт, оказывается снятым с повестки дня и должен быть заменен лозунгом «прогресса» в сочетании с «порядком», т. е. в целом принцип новой стадии французского общества – «порядок и прогресс». Но насчет истории и перспектив революционных девизов во Франции Конт ошибся: спустя полтора века после того, как он жил и творил, государственным девизом Франции и дру-

гих демократических стран продолжает оставаться «свобода и равенство», тогда как «порядок и прогресс» означает политическую программу сил, стремящихся на научной основе управлять обществом (бюрократия, технократия, наукокрратия или, шире, идеократия в разных формах). Лозунг «порядок и прогресс» изначально элитарен и противостоит принципам демократического равенства и индивидуальной свободы.

Тут непосредственно встает вопрос о новой модели государственного устройства, которую создавал Конт. Исходная его позиция в этом плане – возрождение на новой основе той духовной власти, которая существовала еще в средние века рядом со светской властью, точнее, воссоздание деления власти на духовную и светскую. Если в средневековье духовная власть была сосредоточена в церкви, осуществлялась представителями традиционной религии, то в позитивистском обществе она будет принадлежать служителям культа Человечества, тем, кто наиболее сосредоточен на распространении и поддержании религии Человечества как Высшего Существа. Духовные преобразования Конт считал самой насущной задачей, изменение гражданских учреждений он отодвигал на второй план. Что касается первых, то они мыслились им в международном масштабе: «В настоящее время первая социальная потребность на всем западе – это общая доктрина и одинаковые нравы, покоящиеся на единообразной системе всеобщего воспитания, руководимой и применяемой одной и той же духовной властью. По мере того как эта потребность будет удовлетворяема, будет совершаться всюду гражданское преобразование сообразно особенностям каждой национальности, но эти необходимые различия несколько не нарушат основного единства великой позитивистской республики, систематическая связь которой будет более полной и более прочной, чем связь католической республики, существовавшей в средние века.»¹⁵. В результате в западноевропейских странах должен установиться мирный и разумный порядок, «покоящийся на систематическом и постоянном преобладании всеобщей любви, господствующей и над умозрением, и над действием»¹⁶.

Власть религии, как ее понимал Конт, это прежде всего власть моральная, религия и мораль тесно связаны между собой. Так обстояло дело в христианстве, которое несло в себе мощный заряд морали, так должно обстоять дело и в новой религии Че-

ловечества. Но христианство не устраивало Конта тем, что его мораль обращена к индивиду и центрирована на идее личного спасения, а также тем, что христианство не знает социальной жизни и сосредоточено на отношениях верующих с потусторонним миром. И все же Конт признает, что происходивший не один век упадок авторитета церкви пагубно сказался на моральном состоянии общества. Метафизика со свойственным ей духом критицизма привела дело к тому, что мораль была потеснена со своего места политикой и в обществе утвердились индивидуализм, анархия и ожесточенная политическая борьба за власть под давлением эгоистических побуждений. Конт выступает против диктата политики и за возвышение роли морали в обществе путем его воспитания в духе религии Человечества. Для последней человек в индивидуальном плане не существует, она обращена к роду и пробуждает «чувство тесной социальной солидарности»¹⁷. Общественные чувства требуют подавления разных личных побуждений и ведут к преобладанию «человечности» над «животностью», к установлению порядка и прогресса.

Соответственно рисует Конт формы и функции светской власти в позитивистском обществе, его главная интенция и тут – помочь созданию солидарного, сплоченного общества. Поэтому светская власть мыслится им в форме централизованной структуры, тогда как prerogatives местной власти сводятся к минимуму. Он пишет, что позитивисты стремятся к «прямому господству центральной власти и сведению местной власти к ее необходимым функциям»¹⁸. Абсолютная централизация власти исключает наличие любых демократических институтов, солидаристское государство имеет форму республики, но не демократической, в нем исполнительная власть оказывается важнее демократических органов, более того, как предполагал Конт, правительство всегда получит поддержку народа против собрания депутатов.

Проектируемое Контом позитивистское общество должно было иметь мирный трудовой характер и заниматься производством и преобразованием окружающей среды в интересах человечества. Ключевая фигура в нем – промышленник, руководитель мирных работ, в этом позиция Конта сходна с позицией Сен-Симона, оба полагали, что в будущем обществе промышленникам будет принадлежать государственная власть. Но пока оно

не сформировалось, промышленники не готовы к этому, они еще не освоили высшей идеи общественной солидарности. Поэтому в переходное время высшая светская власть должна принадлежать пролетариям, так как им ближе, чем представителям других классов, идея общественной солидарности. Вообще Конт против того, чтобы власть принадлежала народу, его идеал – распространение на все общество промышленной иерархии, структуры «руководители-исполнители», но для революционного периода он делает исключение: тогда пролетарии как носители духа солидарности захватят высшую власть, установят диктатуру наподобие диктатуры Конвента, а специалистов по управлению они найдут в тех классах, из представителей которых обычно формируется государственный аппарат.

Итак, пролетарии, с точки зрения Конта, – главная социальная сила, ориентированная на создание позитивистского общества. Но они не сами создают программу преобразований, они должны действовать в союзе с философами. Это напоминает идею молодого Маркса о союзе между пролетариями и философами. Но Конт несколько иначе расставляет акценты, чем Маркс. Во-первых, он указывает на то, что пролетарии чужды старой культуре, не испытали воздействия теологического и метафизического образования, к ним можно применить знаменитую формулу Декарта – “*tabula rasa*”. Поэтому они открыты для усвоения позитивистских идей. Во-вторых, Конт утверждает, что пролетарии якобы не озабочены материально и вследствие этого восприимчивы к ценностям социальной солидарности. Отвечая на упреки позитивистам в том, что они стремятся к уничтожению классовых различий, Конт говорит, что позитивисты не ставят такой цели, что этого хотят сторонники идеи равенства. Позитивисты же считают, что социальная программа пролетариев должна включать лишь два требования – «нормальное образование» и «правильный труд». Позитивисты проводят ту мысль, что «действительное счастье совместимо со всякими условиями существования, лишь бы они были честно выполнены и разумно приняты»¹⁹. В-третьих, Конт исходит из того, что народ не стремится к политической власти, он тяготеет к моральной оценке действий ее представителей. Морализм народа совпадает с главной ориентацией позитивистской философии, которая стремится выработать «всеобщую мораль действия, предпри-

сывающую каждому деятелю, личности или коллективу наиболее соответствующие основной гармонии правила поведения»²⁰. Все указанные пункты раскрывают духовную связь между пролетариями и позитивистской философией, выдвигают вперед духовную составляющую пролетарского движения.

Кроме пролетариев, Конт выделял еще один слой населения, его добрую половину, заинтересованную в позитивистских преобразованиях. Это женщины, позитивизм рассматривает их как носительниц любви и солидарности: «Вследствие их меньшего участия в государственном управлении пролетарии и женщины более способны понять потребности и условия нравственного правительствования, предназначенного в особенности для ограждения их от гнета светской власти»²¹. Однако нельзя думать на основании сказанного, что Конт был сторонником равенства полов, он был его противником, считал, что жизнь женщин должна быть замкнута в кругу семьи. Впрочем, он предусматривал необходимость предоставить женщинам такое же образование, какое будут получать мужчины.

Конт указывал на организационную форму духовного протеста и духовного созидания с позиций позитивизма – «рабочие клубы». Они должны создаваться не в целях пробуждения пролетариев к политической деятельности, а с тем, чтобы «заменить церковь или, скорее, подготовить новый храм под постепенным давлением преобразовательной доктрины, которая мало-помалу доставит первенство окончательному культу Человечества»²². «Рабочие клубы» призваны дать организационную опору широкому философскому движению, задуманному Контом.

Интерес к пролетариату, провозглашение союза между ним и новыми философами – не только эти мотивы говорят о близости между позитивизмом и коммунизмом. Можно упомянуть также в этой связи о поиске ими научного постижения истории, об указании на производство и научно-технический прогресс как базис исторических перемен, о попытках формулирования целей преобразовательной деятельности, ее идеалов на основе научного познания прошлой и будущей истории и т. д. Сказанное заставляет ближе всмотреться в отношения между позитивизмом и коммунизмом, тем более что сам Конт не раз обращался к этому вопросу. При некоторых сходствах тем, идей и даже концептуальных решений между ними существовали серьезные различия. Конт был оза-

бочен прежде всего духовно-нравственным воспитанием рабочих, тогда как, например, Маркс и марксисты делали упор на развитии у них политического сознания, пробуждения их к классовой борьбе вплоть до захвата политической власти. У Конта на первом месте распространение в обществе морали солидарности, обучение рабочих позитивной философии и другим наукам. Коммунисты все силы направляли на организацию рабочих в профсоюзы и политические партии, на вовлечение их в политическую деятельность.

Соответственно решали они вопрос о собственности: коммунисты говорили об обобществлении собственности, о передаче крупной собственности государству, позитивисты предлагали смотреть на собственность с моральной точки зрения, с точки зрения того, насколько успешно выполняет предприниматель возложенную на него социальную функцию накопления капитала и прироста материального богатства. Общество имеет право контроля над производством, поскольку участвует в создании любого общественного продукта: «Никакой вид собственности не создан ее обладателем»²³. Если следовать Конту, то речь должна идти не о том, чтобы отнять собственность у ее владельца, отменить институт наследства, как предлагали коммунисты и в какой-то степени сенсимонисты, а о том, чтобы поставить производство под контроль моральной власти, которую будут осуществлять в позитивистском обществе в первую очередь пролетарии и новые философы.

Протест родоначальника позитивизма вызывал коммунистический лозунг равенства. Конт отрицал как принцип политического равенства в форме, унаследованной от французской революции (представительная демократия), так и свойственную коммунистам идею прямой демократии масс. Кроме того, Конт, как и Сен-Симон, решительно отвергал равенство на промышленном предприятии, в производстве везде должны быть руководители и исполнители: «Никакое предприятие не могло бы существовать, если бы каждый исполнитель должен был быть также управляющим или если бы управление было бы неопределенно вверено косной и неотчетливой толпе»²⁴. Но Конт не уловил того, что коммунизм двойко относится к равенству в производственной сфере: с одной стороны, общественная собственность была как бы залогом равенства занятых в производстве людей, с другой стороны, например, в СССР на производстве царил иерархия. В еще большей степени

это относилось к политике, где провозглашалось равенство политических прав всех граждан, но руководство страной фактически было вверено партии, носительнице марксистской науки. Идеологи позитивизма согласны с коммунистами в том, что надо заняться народом и дать пролетариям нормальное образование и необходимую организацию труда. Но они не должны претендовать на равенство прав в управлении производством и страной, а только на приоритет в моральной области.

Из сказанного насчет частной собственности, принципов производственной и иной иерархии ясно, что позитивистская программа социальных преобразований имеет не столь радикальный характер, как коммунистическая. Позитивизм сильно связан с прошлой историей, он хочет обновления, но ценит и исторические традиции. Коммунисты радикальней отрицают прошлое. И те, и другие делают это, поместившись в рамки истории. Точкой отталкивания для них является не абстрактный человек природы, как то было у либералов и демократов, а исторически определенный человек, рабочий на стадии крупного машинного производства. Но позитивисты более привержены историческим традициям (частной собственности, иерархии на производстве и в обществе). Поэтому Конт упрекал коммунистов в том, что у них нет чувства истории, что у них «отсутствует историческая непрерывность, составляющая, однако, главную характерную черту человечества»²⁵. Коммунисты кичатся утверждаемой ими ценностью солидарности, но связывают ее появление исключительно с настоящим временем, тогда как и прошлая эпоха в лице христианства сделала достаточно для ее утверждения.

Конт рассматривал коммунизм как тот первый шаг, который пролетарии делают в направлении к позитивизму, он надеялся перехватить их у коммунистов. Но эффективность коммунистической, точнее, марксистской пропаганды оказалась намного сильнее, чем у позитивистов. Марксистский коммунизм наложил сильнейший отпечаток на всю мировую историю XIX–XX вв., в то время как позитивизм сохранился лишь как направление философской мысли. А между тем в конце XIX в. в Европе он имел сильное влияние на оппозиционное движение, был популярен среди революционного студенчества. Почему марксизм вытеснил довольно быстро позитивизм из этой среды? Можно назвать две причины этого.

Во-первых, коммунизм был, как уже сказано, более радикален, он обещал нечто совершенно новое, что совпадало с настроениями революционных романтиков. И притом он указывал на совершенно реальные методы и средства борьбы: революционное насилие, политическая борьба вплоть до вооруженного захвата власти. Конт же предлагал путь долгий и совершенно неоднозначный, ориентировался на идеализированный образ человека, возлагал надежды на всеобщую любовь к человечеству. Гегель когда-то сказал, что философы ошибочно считают глубоким суждение о природной доброте человека, тогда как гораздо больший смысл имеет мнение, что человек зол. В европейском революционном движении зло, насилие победило принцип всеобщей любви.

И все же можно сказать, что позитивизм предугадал направление будущих преобразований государственности, предвидел усиление научных элементов в управлении обществом. В XIX–XX вв. роль промышленности и промышленных объединений возрастала, они все сильнее оказывали влияние на государственную политику. Усиление научных элементов сказалось и непосредственно в управлении людьми со стороны государства, которое все более опиралось на социологические исследования, использовало данные гуманитарных наук: экономики, социологии, политологии, медицины, педагогики. Правда, собственно позитивистский идеал общества, построенного на принципах братства и любви к человечеству, не реализовался, хотя постепенно человечество становится все более реальным фактором истории, о чем свидетельствует рост различных наднациональных объединений. Если снова вспомнить о таком конкуренте позитивизма, как марксизм, то и у него можно видеть тенденцию к научному управлению обществом, что сказалось, например, в претензии на открытие объективных законов истории, в идее о руководящей роли марксистских партий в процессах социальных преобразований, основанных якобы на научных прогнозах. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» была провозглашена особая роль коммунистов в рабочем движении, которые одни только и могли направлять его к конечным целям. Этот проект продвижения к будущему на основе науки был у марксистов, правда, заглушен идеями о прямой демократии масс, где коммунизм выступал как наследник и продолжатель традиций французской революции, восприимчивый ее лозунга политического

равенства. В силу такой двузначности марксистских политических интенций идея научного управления обществом не звучала в марксизме явственно. Кроме того, она была бедна и однотонна, так как в марксизме политическая идеология превалировала и над техническими знаниями, вступая с ними нередко в противоречие, и над общественными науками (можно вспомнить марксистское отрицание политической экономии, гонения в СССР на социологию и т. д.). Поэтому позитивизм можно считать наиболее четким проявлением тенденций к научности в оппозиционном общественном движении. Это, как мне кажется, особая политическая линия, которую нельзя причислить ни к левому направлению, ни к правому, хотя с последним позитивизм имеет важное сходство, состоящее в отрицании демократии. Но в целом позитивизм – особое явление в политике с его моделью власти, построенной на научной основе, с его идеалом солидарного человечества (а не нации, как у правых), с его поиском морального авторитета в среде пролетариев. Конт раскрыл процесс становления власти, пропитанной духом научности и апеллирующей к эмоциям в духе религии человечества. Это один из вариантов идеократии, которыми был богат XX в. и которые нередко таят в себе расхождение между целями государства и непосредственной волей людей.

Примечания

- ¹ Этот термин употребил Ж.Гурвич при анализе философии О.Конта.
- ² *Gurwitch G. Les Fondateurs de la sociologie contemporaine. P., 1957. P. 33.*
- ³ *Конт О. Слово о положительном мышлении // Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 71.*
- ⁴ *Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Вып. 2. СПб., 1910. С. 135.*
- ⁵ *Конт О. Дух позитивной философии. С. 23.*
- ⁶ Там же. С. 27.
- ⁷ *Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. С. 73.*
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Конт О. Система позитивной политики. С. 113.*
- ¹⁰ *Конт О. Общий обзор позитивизма // Родоначальники позитивизма. Вып. 5–6. СПб., 1913. С. 56.*
- ¹¹ Там же. С. 57.

-
- 12 *Конт О.* Общий обзор позитивизма. С. 149.
13 Там же. С. 93.
14 Там же. С. 186.
15 Там же. С. 105.
16 Там же. С. 112.
17 *Конт О.* Слово о положительном мышлении // *Конт О.* Дух позитивной философии. С. 55.
18 *Конт О.* Дух позитивной философии. С. 135.
19 Там же. С. 65.
20 Там же. С. 66.
21 Там же. С. 57.
22 *Конт О.* Общий обзор позитивизма. С. 15.
23 *Конт О.* Общий обзор позитивизма. С. 22.
24 *Конт О.* Общий обзор позитивизма. С. 25.
25 Там же.